

Горелов Олег Сергеевич
Ивановский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра теории литературы и русской литературы XX века

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ И. БРОДСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ СВЕРХТЕКСТОВ

Образ Петербурга возникает в поэзии И. Бродского очень рано. Как коренной петербуржец Бродский редко называет и как-то характеризует всем известные места, памятники, архитектурные доминанты города, полагаясь на собственное чувственное восприятие самого города: его световой, звуковой и других сторон; поэт обращает внимание на все проявления Петербурга-города, о чем свидетельствует многообразие в первую очередь цветовых и звуковых характеристик. В совокупности своей эти характеристики представляют тот самый структурирующий хаос (руины культуры), из отдельных элементов которого затем выстраивается фундамент всей поэтики.

Попытка целостно воспринять мир с целью преобразовать его в творчестве была сделана еще в «Пророке» А.С. Пушкина, после чего русская поэзия доводит принцип созерцательности до гипертрофии чувств и нервов в стихах В. Маяковского и М. Цветаевой и известной формуле Б. Пастернака (искусства-губки, которое складывается из органов восприятия). Так, принцип живого восприятия, переживания и выражения своих эмоций связывает поэзию раннего Бродского с русской поэтической традицией, в частности, с поэтикой романтизма и модернизма. Квинтэссенцией этой традиции можно считать Петербургский текст, первый городской текст русской литературы. Н. Меднис определяет подобные «городские» тексты, а также «персональные» тексты как сверхтексты.

Бродский оценивает русскую литературу и культуру вообще со стороны (как бы продолжая традицию акмеизма и «тоски по мировой культуре»), с позиции «пост-», и это определяет его отношение к Петербургскому тексту. Бродский воспринимает себя в качестве читателя этого текста, а не одного из его продолжателей, нарушая тем самым аккумулярующий характер этого городского текста, о котором писал В. Топоров. И город, и текст для Бродского только то, что видит глаз поэта. Процесс восприятия и актуализации отдельных черт Петербургского текста становится основой создания собственной поэтики, а также модусом восприятия основных онтологических проблем.

Дальнейшая поэтическая эволюция Бродского приводит его к попыткам отстраниться от собственных эмоций, чувств, боли, о которых напоминает живой образ родного города. Влияние английской метафизической школы становится определяющим для всего дальнейшего хода поэтической эволюции поэта: уход в метафизику, «абстрагирование от своей единицы» [1, т. 5, с. 307] станет основным способом преодоления боли.

Первый этап остранения (здесь уместен и термин В.Б. Шкловского) и абстрагирования связан с анализом собственных эмоций, с переводом

чувственных ощущений на аналитический язык абстракций (зрение, слух, обоняние, осязаемость и т.д.). Стремление к объективности, к аналитическому, холодному взгляду на мир требует от поэта наибольшей оптической пластичности, умения взглянуть на мир с разных точек зрения (даже с точки зрения вечности, смерти или воздуха). Пределом этого процесса является идея «времени в чистом виде», времени, которое в принципе неспособно воспринимать и чувствовать.

Противоположным результатом остранения является вещизм Бродского. Главной идеей-вещью, противопоставленной «времени в чистом виде», является язык, поэзия. Первоначально воспринимаемый слухом – язык-речь, в позднем творчестве Бродского язык чаще воспринимается самым объективным способом – зрением («чернеть на белом, / покуда белое есть, и после» [1, т. 3, с. 202]). Такое предметное восприятие поэзии, которая упорядочивает мир, языка, который борется с пустотой, отчасти напоминает античное представление о мире, космосе.

Таким образом, чтобы приобрести собственную метафизику, Бродскому необходимо отталкиваться от физики, т.е. от живо воспринимаемого Петербурга. В результате центром поэтической системы Бродского становятся оппозиции «язык – время», «вещь – идея», «материя – чистая форма». Безусловно, цель Бродского – приобрести особое, поэтическое и метафизическое зрение, но это путь самоубийственный, поскольку он требует отказа от мира материального. Наиболее чувственные стихи Бродского появлялись именно при воспоминаниях Петербурга, в котором формировалось активное восприятие поэта, в котором он впервые увидел человека как «испытателя боли», к которому он постоянно возвращался, чтобы, отталкиваясь от него, искать и создавать свою поэтическую систему.

И Петербургский текст, и сам Петербург-город, воспринимаемые прежде всего чувственно, как вещь, и обрели судьбу вещи, т.е. стали незримыми и повсеместными («тем больше она – везде» [1, т. 3, с. 232]) в самой поэзии Бродского, а это означало, что Петербургский текст, а значит, и культура, которая уже закончилась, «исчезла», все же «когда-то существовала / на земле» [1, т. 3, с. 232]. В подобном видении Петербургского текста и заключается специфика восприятия традиции русской поэзии Бродским.

Список литературы

1. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 тт. СПб., 1997-2002.
2. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе // <http://www.rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>
3. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.